

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

В конце прошлого года, века, тысячелетия в Государственном университете – Высшей школе экономики состоялась презентация русского издания книги профессора Университета Беркли (Калифорния, США) Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». И это символично. Монография подводит своеобразный итог уходящего времени.

Переведенная на 12 языков мира и ставшая бестселлером монография теперь доступна российскому читателю. Книга выпущена Издательским домом Высшей школы экономики при финансовой поддержке Института открытое общество (Фонд Сороса). Научным редактором русского перевода выступил профессор ГУ–ВШЭ О. Шкартан.

По случаю презентации книги Россию посетил М.Кастельс. Правда, в своем выступлении на презентации он подробно изложил идеи совсем другого издания – готовящейся к публикации книги, посвященной проблемам мировой информационной сети Интернет. Презентация вызвала большой интерес со стороны российских ученых, политиков, журналистов, бизнесменов. Свое мнение об «Информационной эпохе» и поднятых в ней проблемах высказали Президент ГУ–ВШЭ проф. А. Шохин, Научный руководитель ГУ–ВШЭ проф. Е. Ясин, академики РАН Т. Заславская и А. Гранберг, член-корр. РАН Н. Лапин и многие другие. Интересным и развернутым было выступление проф. ГУ–ВШЭ А. Медушевского, которое положено в основу статьи, представляемой читателям нашего журнала.

Экономика и общество в информационную эпоху

Медушевский А.Н.

Технологический процесс долгое время рассматривался в науке вне его социального контекста. Это приводило многих социальных мыслителей к пессимистическим выводам о возможности найти гармонический синтез между культурными традициями и инновациями, обществом и техникой. Стремление преодолеть этот разрыв привело к появлению особого научного направления – философии техники. Рецензируемая книга одна из первых, где автор сознательно стремится преодолеть этот разрыв путем изучения взаимного соотношения информационных сетевых структур и структур социальных. Общим направлением исследования является сопоставление результатов их взаимодействия и сочетания в различных культурно-исторических, экономических и социально-политических условиях.

Медушевский А.Н. – доктор философских наук, профессор, академик РАЕН, ГУ–ВШЭ.

Результатом стало конструирование ряда моделей взаимодействия общества и информационных технологий: во-первых, модель гармонического синтеза социальных и информационных сетей, обеспечившего значительный экономический прогресс региона (например ряда стран Востока); во-вторых, модель влияния деструктивных последствий успешной информационной революции на социальную структуру (Запад); и, в третьих, модель срыва технологического прогресса в неподготовленной для этого социальной среде (посткоммунистическая модернизация). В чем причина столь различных моделей интеграции регионов в структуры современной глобальной экономики?

Автор ставит весьма амбициозную цель создания «теории экономики и общества в новую информационную эпоху, конкретно говорящей о возникновении новой социальной структуры» (с. 47). И хотя он подчеркивает, что «составление энциклопедий не его ремесло» и он «не собирается заниматься всем диапазоном тем и проблем современного общества», речь идет об исследовании чрезвычайно широкого круга вопросов, объединенных авторской концепцией «информационализма» как социального и культурного явления, охватывающего в той или иной степени все стороны жизни современного общества. Автор верит, что, подобно Конфуцию, он «ухватил одну нить, которая связывает все остальное». Мы имеем дело, следовательно, с попыткой создания новой разновидности монистической теории современного общества, которое предстает прежде всего как «информационное общество» в отличие от предшествующих доминирующих моделей его интерпретации, представленных теориями аграрного, индустриального или постиндустриального общества.

Обращает на себя внимание сходство предложенной концепции с марксистской теорией социальных революций: технологический рывок ведет к изменению структуры общества и отношений власти. Данная концепция является продолжением теорий постиндустриального и информационного общества и может рассматриваться в ряду воззрений А. Турена, Д. Белла и Ю. Хабермаса, которые моделировали развитие общества в перспективе теории глобального конфликта. Отсюда протекают также критическая направленность теории Кастанельса и ее пессимизм.

В данной перспективе он формулирует идею «информационно-технологической революции», видя ее смысл в глубокой трансформации общества и его материальной культуры путем приспособления к новой информационной технологии. К сожалению, автор не дает своего определения революций, понимая их, по-видимому, как состояние общества, противоположное стабильности. В этом контексте данное понимание информационно-технологической революции может быть поставлено в один ряд с другими концепциями революций – аграрной, индустриальной, национальной, научно-технической, сексуальной, которые в XX веке были выдвинуты социологами в рамках единого феномена социальной революции. Однако автор не говорит о соотношении этих понятий, оставляя читателя самостоятельно разбираться с этой терминологией.

Вся история человечества в известном смысле есть серия таких информационно-технологических переворотов – от изобретения первых иероглифов до книгопечатания, развития современных средств массовой информации и до современной компьютерной эры. Циклическая смена эпох сбора информации и научных переворотов также должна приниматься в расчет, вызывая в памяти концепцию научных революций.

Становление информационного общества, полагает автор, означает, прежде всего, что ключевые процессы генерирования знаний, экономической производи-

тельности, политической и военной мощи, средств коммуникаций «глубоко трансформируются информационной парадигмой и связаны с глобальными сетями богатства, власти и символов, работающих в рамках такой логики» (с. 42). Сетевое общество определяется как «новая социальная структура информационной эпохи» или «форма социальной мобилизации» (М. Грановеттер). В любом обществе господство сетевых структур означает новый способ обеспечения преимуществ правящим классам.

Несмотря на некоторые внешние черты инновационного подхода, анализ современного информационного общества, сделанный Кастельсом, не выходит в целом за пределы традиционных научных представлений. Более того, он окрашен элементами критической теории и использует ее терминологию, сложившуюся задолго до появления первых признаков информационной революции. Сам феномен «информационализма» определяется им как «капиталистическая перестройка», необходимость которой, в свою очередь, была вызвана кризисом кейнсианской модели капиталистического роста, выразившейся в форме галопирующей инфляции. Этот процесс, начавшись в 1970-е гг., продолжался до последнего времени, причем разрешение конфликта было найдено в «процессе капиталистической реструктуризации», результатом которой стала новая технологическая система, названная автором «информациональным капитализмом» (с. 40). Это объяснение в известном смысле воспроизводит логический круг: экономический кризис порождает новую технологическую систему, а эта последняя, раскалывая общество по новым разделительным линиям, вновь неизбежно ведет к социальным кризисам. Во всяком случае, данное объяснение не указывает специфических имманентных причин, сделавших объективно неизбежным именно данную («информациональную» по терминологии автора) реструктуризацию общества. Скорее автор принимает в качестве отправного пункта информационной революции внешнюю причину – конкуренцию сверхдержав в области гонки вооружений и дальновидность изобретателей Интернета. Каковы принципиально новые тенденции современного информационного общества?

Наиболее существенными проявлениями данной системы, о которых автор пишет в различных частях своего обширного труда, стали: повышение гибкости в управлении экономикой за счет ее децентрализации и появления сетевых структур, изменения отношений собственности, социальной структуры, организации труда и занятости; развитие конфликтного потенциала в социальных отношениях в результате отказа от концепции «государства всеобщего благоденствия»; осознание угрозы экологического кризиса; размывание границ национального суверенитета; структурный кризис демократии; индустриального этатизма и вообще легитимности власти, а также упадок и эфемерность общественных движений и образования; кризис национальной и социальной идентичности; наконец, растущая маргинализация личности. Общий вывод о глобальной интеграции финансовых рынков, появлении новых доминирующих центров мирового экономического могущества и усилении международной конкуренции путем поглощения национальных экономик вполне совместим с известной теорией империализма.

Стремясь рассмотреть технологические изменения как универсальный фактор мирового развития, проф. Кастельс выступает за переосмысление традиционных веберовских представлений о соотношении технологии, общества и исторических изменений. Он говорит о «бессодержательности преимущественно культурной интерпретации технологического развития и отсталости». Доказательства данного тезиса автор ищет в тысячелетней истории неподвижных восточных деспотий, например Китая эпохи династий Мин и Цин, Японии начиная с эпохи сегуната, рес-

таврации Мейдзи и вплоть до современности, а также советской перестройки конца XX века. Эти примеры убеждают автора в том, что государство может выступать как ведущей силой технологической инновации, так и ее тормозом. Отсюда следует вывод, что «одна и та же культура может породить весьма различные технологические траектории в зависимости от структуры отношений между обществом и государством» (с. 33). Данный вывод, при всей своей очевидности, еще не определяет, однако, роли культурных стереотипов в ходе модернизации.

Вопрос заключается прежде всего в том, почему процесс технической модернизации, инициированный государством, может завершиться диаметрально противоположным образом. При ответе на него проф. Кастельс фактически сводит дело к позиции правящей элиты, которая во многом определяется именно культурными стереотипами. Автор выступает, однако, далеко не беспристрастным аналитиком, когда дело идет о конкретных примерах. В разных местах своего труда он критикует, с одной стороны, мировой капитализм и политику МВФ, говорит о «корыстных рассуждениях экономистов МВФ и других апологетов свободного рынка» в отношении развивающихся стран, а с другой, – бичует национальные олигархические режимы самих этих стран, «рабочую аристократию и популистских политиканов», блокирующих реформы и погрязших в бюрократической коррупции (например в Латинской Америке и Африке). Он весьма критически оценивает советскую модель индустриального этатизма, оказавшуюся неспособной найти адекватный ответ на вызов информационной технологии, но равным образом подвергает сомнению гребачевскую перестройку, последующий «дикий капитализм» и либеральные экономические реформы в России. Он видит основную причину их провала, в частности, в том, что не были учтены его рекомендации по созданию государством институциональных предпосылок рыночной экономики, имея в виду «законы, правила, юддексы и процедуры для разрешения конфликтов, для определения ответственности и очерчивания границ прав собственности». Однако создание стабильных правовых институтов в постсоветской России, как и в других странах Восточной Европы, отнюдь не может интерпретироваться как результат исключительно свободного выбора, для которого, возможно, действительно достаточно «функционирующей государственной администрации». Механизм принятия решений в подобной ситуации следует искать скорее на пересечении общей политической культуры и логики борьбы за власть. Ведь и сам автор, являвшийся экспертом российского правительства реформ в начале 1990-х гг., со знанием дела указывает на приоритет интересов номенклатуры в ходе приватизации. В то же время не приемлет он и практику авторитарной экономической модернизации, которая была осуществлена при поддержке США некоторыми диктаторскими режимами (например Чилийской хунтой). Различным оказывается путь восприятия новых технологий и экономических реформ. В одних странах (Чили, Бразилия, Перу) либерализация и приватизация открыли новые инвестиционные возможности, технологическое обновление и возможность достаточно стабильного роста экономики. В других (Мексика, Аргентина) эйфория либерализации заканчивалась упадком. Ключ к успеху усматривается в способности реализовать единую стратегию модернизации, включающую конкурентоспособность, производительность и технологию. Роль государства определяется при этом как позитивное вмешательство – создание правовых норм, технологическая и образовательная политика.

Все эти примеры скорее подтверждают тезис о связи доминирующих культурных моделей с выбором стратегии модернизации и ее результатами. Они показывают, во всяком случае, что интерпретация новых технологий и их социальный

эффект могут быть диаметрально противоположны в зависимости от культурных стереотипов и ориентаций общества. Из этого обзора очевидно также, что авторский идеал рационально устроенных социальных отношений и экономических реформ вообще трудно найти в современном мире, он находится скорее в будущем.

Глобальная экономика, действительно, «глубоко асимметрична». Для нее характерна непрестанно меняющаяся геометрия, противостоящая исторически сложившейся архитектуре мирового порядка, смена моделей международного географического, отраслевого и профессионального разделения труда в контексте роста динамики информационной парадигмы. Этот процесс, справедливо полагает автор, не описывается простой формулой (Э. Уоллерстайна) о делении мира на центр, полупериферию и периферию, но скорее позволяет говорить о многополюсной модели власти и экономического могущества. Новая мировая архитектура, возникшая в условиях информационной и экономической глобализации, опирается на систему трех конкурирующих региональных центров могущества – США, объединенной Европы и вырвавшихся вперед стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Последний регион представляется автору наиболее динамичным и служит для его концепции идеальным типом соотношения традиционного общества и новых информационных сетевых структур. Он обращается к опыту стран данного региона на протяжении всей книги, противопоставляет этот опыт как позитивный – негативному (в виде советской перестройки), связывает с ним определенные надежды (один из разделов книги назван «Вперед к Тихоокеанской эре?»). Это заставляет более внимательно отнестись к аргументам автора.

Именно здесь, в Тихоокеанском регионе, сформировался, согласно его мнению, идеальный вариант сетевого предприятия, являющегося основным для соединения бизнеса с информационными технологиями. Будучи раз изобретены, компьютерные интерактивные системы стали действовать в широких сетях, внутри которых постоянно развивался технологический прогресс. В результате именно сети, а не фирмы, сделались реальными производственными единицами. Так сформировалась основа для особой разновидности сетевых предприятий, смысл деятельности которых состоит в «превращении сигналов в товары путем обработки знания» (с. 174). Подобная «горизонтальная корпорация», основанная на новых методах менеджмента, выступает как сеть самопрограммирующихся и самоуправляющихся единиц, основанных на децентрализации, координации и единой стратегии. Развитие сетевой системы ведет к последовательному упадку вертикальных или бюрократических моделей организации бизнеса, характерных для предшествующей фазы развития экономики корпораций. Повсюду в мире корпорации трансформируются в организации стратегических союзов между компаниями или в сети, способные функционировать в разной институциональной среде. Таким образом, сходимости и взаимодействие новой технологической парадигмы с новой организационной логикой составляет историческую основу перехода к новой информационной экономике.

Фундаментальной общей тенденцией развития бизнеса в странах Юго-Восточной Азии, в отличие от других регионов, является, согласно многочисленным экономическим и социологическим исследованиям, опора на исторически сложившиеся сетевые структуры. В результате в данном регионе происходит уникальный феномен наложения новой информационной сетевой структуры на традиционно сложившиеся сети делового партнерства. Это соединение сетей двух типов – технологических и социальных – создает мощный импульс развития бизнеса. Оригинальность такой организации заключается в том, что ее ячейкой является не индивидуальный предприниматель или фирма (как это имеет место в западной или аме-

риканской экономике), но разветвленные группы, могущие иметь различную организацию и достаточно гибкую структуру. Будучи достаточно самостоятельны в принятии решений, они восходят, тем не менее, к единому центру – стабильной патриархальной семье, члены которой связаны кровно-родственными узами или клиентарно-патронажными отношениями традиционного типа. Это позволяет обеспечить четкость организации и ее почти военную жесткость, высокую дисциплину и трудовую этику, гарантии выполнения взятых обязательств, а также необычайно высокий уровень гибкости и приспособляемости к внешней меняющейся среде. В книге дается типология восточно-азиатских деловых сетей в Японии, Корее, Китае, на Тайване, в Гонконге, представленных семейными фирмами, кросссекторальными деловыми сетями, имеющими различную степень обособленности от общества и государства, иерархичности и организации контроля. Преимущество данной организации управляемого взаимодействия сказалось и в международном масштабе – создании направляемых единой стратегией развития сетей фирм как организационной основы информационально-глобальной экономики.

При всей научной ценности наблюдений автора, читателя не оставляет впечатление, что данный раздел книги написан под впечатлением эйфории от экономических успехов восточно-азиатских стран, которая оказалась весьма непродолжительной. Кризис восточно-азиатской экономической модели и параллельный рост динамики американской экономики с начала 1990-х гг. поставили некоторые конкретные выводы под сомнение. Эти выводы, однако, имеют определенное практическое значение для интерпретации ситуации в странах с переходной экономикой.

В этой перспективе целесообразно обратиться к Восточной Европе. Уже не раз отмечалось, что переход к рыночной экономике отнюдь не обязательно означает принятие классической западной модели свободного рынка. Примером другой модели рынка или даже так называемого «нерыночного капитализма» служили при этом именно государства тихоокеанского региона – Япония, Корея, Тайвань и другие «азиатские тигры с головой дракона», экономика которых опирается на сетевые структуры. Данная модель рассматривалась многими отечественными и зарубежными экономистами как некий третий путь – историческая альтернатива как западному либеральному индивидуализму, так и индустриальному этатизму и служила обоснованием особой коммунитаристской концепции гражданского общества, где посредниками между гражданином и государством становятся различные сообщества. Развитие доктрины особого третьего пути было предпринято отечественной почвеннической и неославянофильской публицистикой, стремившейся увязать ее с романтическими идеями евразийства, особого русского пути и т.п. консервативными мифами.

В то же время исследования динамики посткоммунистических процессов в странах Восточной Европы привели некоторых наблюдателей к выводу, что не существует единой модели перехода, а сам он проходит более эффективно, если переходные процессы опираются на предшествующие социально-экономические сетевые структуры и учитывают степень их развития. Выбор, таким образом, не замыкается узким предпочтением рыночных сил или бюрократической иерархии, но должен включать других реальных участников экономической деятельности, функционирующих более или менее явно в качестве сетевых структур на грани известных форм собственности, организационных структур и принципов легитимности, ставя своей целью постепенное овладение рычагами управления. Безусловная значимость сетевых структур в переходной экономике определяется их повышенной

способностью гарантировать предприятия от рисков естественного отбора, большей гибкостью в реструктуризации и инновациях. Сетевые структуры связаны с государством, однако, в отличие от формальных бюрократических структур, имеют неформальный характер, базируясь на персональных отношениях. Эффективность действий подобных сетевых структур часто прямо пропорциональна правовой неопределенности и является своеобразной гарантией стабильности в условиях политического и правового вакуума. В частности, на это указывали исследователи неформальной экономики многих стран – от Латинской Америки до Тихоокеанского бассейна и Восточной Европы. Это, конечно, источник мафиозной экономики, махинаций, бюрократической коррупции и клиентелизма, но в то же время – определенный механизм саморегуляции для переходной экономики. Вместо институционального вакуума возникают организационные формы и социальные связи, которые имеют значение для координации экономической деятельности в хаотических условиях. Почему же в одних случаях сетевые структуры стали основой новой экономики, а в других, напротив, дестабилизировали ее?

Анализ причин распада СССР, проведенный с этих позиций в книге, оказался весьма ценным: мощное государство распалось не в результате экономического кризиса, но технологического отставания, причем прежде всего в сфере информационных технологий. «Парадоксально, – отмечает автор, – что система, построенная под знаменем развития производительных сил, не смогла справиться с самой важной технической революцией в человеческой истории. Это произошло потому, что характерное для информационализма симбиотическое взаимодействие между социально-детерминированной обработкой информации и материальным производством стало несовместимым с государственной монополией на информацию и с замыканием технологий в рамках производства вооружений» (с. 488). Кризис вертикальной системы управления имел место и на Западе, однако, там вертикальная командная иерархия не составляла ядра системы. Децентрализация плановой экономики не привела к росту ее эффективности, поскольку не опиралась на механизмы рыночной экономики и сетевые структуры. Данный режим стал жертвой своей собственной эффективности в области контроля над информацией. Это обусловило его негибкость и неспособность адаптироваться к экономическим и социальным изменениям в мире.

Система распределительной экономики, основанная на централизации управления и жестком контроле над ресурсами до последнего момента тормозила преобразования, а затем породила вакуум управления, не создав новых административных структур для переходного периода. Преимущество сетевой организации стало ясно и советским менеджерам, однако они, полагает Кастельс, применили ее к развитию теневой и криминальной экономики, достигшей в результате невиданных масштабов, подорвав, таким образом, способность командной экономики контролировать экономическую ситуацию переходного периода. Ошибка, по Кастельсу, состояла, следовательно, не в отсутствии знаний о сетевых структурах, но в их неправильном применении. Этот вывод явно упрощает ситуацию

На наш взгляд, необходима более полная реконструкция тех элементов и структур сетевой экономики, которые существовали в российском обществе. Не следует забывать, что в условиях командной экономики также существовала своя неформальная система сетевых структур, обеспечивающая выполнение плана. Это, прежде всего, сама система номенклатуры и бюрократии, а также дельцов черного рынка. Это означает необходимость выяснения сложной картины реальных сетей, их переплетения, конкуренции и взаимного влияния. Сетевые структуры плановой

экономики, прежде всего такие системообразующие ее элементы как партийная номенклатура, бюрократия и служба безопасности (как своеобразные сетевые структуры), оказались враждебны ее эффективной перестройке и формированию правового пространства рыночной экономики и свободы информации. Во всех посткоммунистических странах номенклатурные сетевые структуры получили огромные преимущества благодаря плотности своих связей, доступу к конфиденциальной информации, отсутствию правового регулирования и коррумпированности элиты. Это и позволило им – по выражению одного исследователя – подобно термитам африканской саванны до костей обглодать труп командной экономики. Это говорит, во всяком случае, о необходимости выявлять различную социальную природу деловых сетей в разных культурах, а также возможный эффект их действия в разных типах экономики.

В связи с этим заслуживают внимания наблюдения автора, касающиеся негативных следствий информационной глобализации для разных типов обществ. Он подчеркивает, прежде всего, такие ее проявления как унификация и стандартизация сознания, с одной стороны, и отторжение целых регионов мира и локализация политики, – с другой. Ряд стран традиционной культуры, как например Япония, Китай, Испания или Бразилия, становясь информационными обществами, «не собираются расплавляться в глобальном котле информационного капитализма» (с. 42). Во время как другие, не став частью глобального информационного общества, напротив, уже испытывают его деструктивное влияние. В целом процесс дезинтеграции единого Третьего мира, показанный на примере стран Африки и Латинской Америки, связан с их отторжением от глобальной информационной экономики в качестве «экономически жизнеспособного целого» в силу их структурной иррелевантности, которая «является более угрожающим состоянием, чем зависимость» (с. 143). Вместо информационных сетей или в противовес им здесь шло возрождение племенных и этнических сетей, борьба за моноэтнический контроль над государством как единственным символом идентичности. Социальные изменения не столько позволяют реконструировать общество, сколько фрагментировать его. Вместо институтов здесь действуют общины, вместо классов – племена.

Интернет и вся совокупность связанных с ним телекоммуникаций есть технический инструмент. Доступ к нему в настоящее время зависит от экономических причин, а потому сам становится фактором раскола мира на включенные и исключенные регионы. Кроме того, понятие доступа имеет не только географическое или пространственно-временное наполнение, но и качественное, включая в себя степень общей и технической образованности человека, дающей ему представление о том, что он должен искать в мировой паутине. Справедливо констатировав наличие этой проблемы доступа к информационным потокам, автор, на наш взгляд, излишне драматизировал ее экономический аспект. Конкуренция, которая существует в этой области высоких технологий, является основой того, что проблема доступа (во всяком случае в чисто пространственном смысле) будет эффективно разрешаться. Что касается выдвигаемых в книге негативных сторон информационной глобализации, то они, как нам представляется, вполне уравниваются обратными тенденциями информационной локализации и партикуляризма (пример африканского стажера в Германии, не освоившего язык принимающей его страны по причине увлечения локальными событиями и газетами своей страны, доступными через Интернет).

Современные изменения в мире, прежде всего в области информатизации, телекоммуникаций и Интернета, на которые сторонники постмодернизма любят указывать как на впечатляющее доказательство опровержения рационального фило-

софского анализа действительности, захватывают и автора рецензируемого труда, хотя, на наш взгляд, вполне могут быть интерпретированы как продолжение проекта модерна. Вслед за французскими философами постмодернизма автор выдвигает спорный философский тезис о том, что «не существует разделения между реальностью и символическим отображением» и последовательно занимается строительством так называемой «культуры реальной виртуальности». Под ней понимается коммуникационная система, полностью погружающая реальность в некий выдуманный мир, в котором символические образы становятся реальным опытом. В то же время это не мешает автору вслед за французскими социологами развивать не менее спорные идеи об особом символическом капитале, размышлять об историческом соотнесении политической экономии символов символам политической экономии, говорить о мире «визуальных грез» и вневременном характере «электронного спиритуализма» и т.д. Мы не последуем за автором далее в обширную и чрезвычайно неопределенную область рассуждений о влиянии виртуальной информационной культуры на размывание границ между пространством и временем, обществом и архитектурой, наукой и искусством. Достаточно сказать, что он стремится доказать существование непосредственной связи между экспансией сетевого общества и архитектурой будущего, все более равнодушной к увядающему шарму европейских городов, социальной аритмией и изменением биологических характеристик жизненного цикла, наконец, изменением представлений о жизни, смерти и вечности. Эти разделы, безусловно, очень интересно читать, однако они обладают известным недостатком, свойственным всем футурологическим подходам – экстраполяцией настоящего состояния в будущее без учета возможных новых радикальных изменений и инноваций (некоторые из них произошли, например, в биологии, за короткое время, отделяющее американское и русское издания).

Они вполне могут быть интерпретированы как продолжение проекта рационалистической философии эпохи модерна. Глобализация и информационализм порождают качественно новые технические условия, но они не меняют природы человека и мотивов его поведения. Становление современного гражданского общества в последние двести лет при таком подходе включало в себя и переход от сословного строя ко всеобщему равенству и социальной демократии, и становление в XX веке массового общества и социального государства. В этой перспективе Интернет и даваемые им возможности могут рассматриваться как новый шаг в этом направлении. Поскольку Интернет дает возможность свободного обмена информацией и знаниями, интерактивного обучения, он является важнейшим инструментом коммуникативной демократии и в этом смысле способствует развитию гражданского общества.

Автор формулирует важную проблему: станет ли Интернет инструментом создания гражданского общества, просвещения и экономического благосостояния или, напротив, дегуманизирующее влияние виртуальной реальности ввергнет человечество в некий новый информационный феодализм. Сам он придерживается скорее последнего вывода. Интерактивное взаимодействие с системой телекоммуникаций ведет к принятию ее логики, языка, символов и паролей. Включенность в систему и возможность беспрепятственного доступа к потокам информации есть ключ к достижению власти, богатства и свободы в информационном обществе. Дезорганизация массового общества и четкая организация элит получают новый технологический импульс, закрепляя и даже усиливая существующее социальное неравенство. В то же время автор отвергает традиционную социологическую концепцию «властвующей элиты» (Р. Миллза), господство которой опирается исключительно на силу. Реальное социальное господство в информационном обществе, по его мнению, вз-

никает из владения встроенными в социальную структуру культурными кодами, которое само по себе открывает доступ в структуру власти и, поэтому, «элите не нужно тайно блокировать доступ в свои сети». Ее господство достигается путем создания единых центров производства унифицирующих символов, стиля жизни, дизайна пространственных форм и архитектуры, специально предназначенных для информационного господства.

Автор выдвигает концепцию новой социальной сегрегации, основой которой является, по его мнению, технически достижимое установление внешнего контроля социальных элит над узлами потоков информации, а через них – управлением городских рынков капитала. Он рисует зловещую картину глобального казино – электронного валютного рынка, игроками которого являются финансовые спекулянты, орудующие миллиардами долларов в условиях виртуального или даже «аннигилированного» времени. Критерий успеха – скорость индивидуального решения, которая часто значит больше, чем его качество. Протестантская этика вытесняется идеологией «быстрых» денег, получение которых связано с большим риском субъективных решений узкого круга игроков. Господствующие мировые элиты «окапываются в нематериальных дворцах, созданных из коммуникационных сетей и информационных потоков» (с. 506). В новых условиях через «пространственно ограниченную межличностную сетевую структуру» воспроизводится традиционное индивидуальное принятие решений, например за ленчем или игрой в гольф, которое мгновенно передается через систему телекоммуникаций и исполняется. Мы не видим, однако, оснований говорить о принципиальном отличии этой новой элиты от старой, довольствовавшейся, например, телефоном. Кризис западной демократии, если он и имеет место, начался отнюдь не с эпохи информационного общества.

Дискуссия о негативных и позитивных сторонах воздействия Интернета на общество напоминает предшествующие дискуссии о феномене демократии. Излишне быстрый переход от традиционного общества к демократии в начале XX века, связанный с торжеством всеобщего избирательного права, был неотъемлем от социальной демагогии, демократической легитимации авторитарных и тоталитарных режимов, появления мнимого конституционализма. В более длительной перспективе, однако, оказалось, что разрушительные последствия перехода к демократии снимаются в ходе ее поступательного развития быстрее нежели в тех случаях, когда это развитие искусственно сдерживается. Ряд кризисов демократии закончился созданием новых ее форм. Современная социология предложила синтез теории демократии и теории элиты в концепции представительной демократии и плюрализма элитных групп. Мы не видим оснований подвергать эту классическую модель ревизии на основании появления новых информационных инструментов господства.

Проф. Кастельс сосредотачивает внимание на негативных аспектах глобальной информатизации. Однако мы, имея опыт закрытого общества, лучше представляем позитивную сторону этого процесса. Интернет впервые в истории создает ситуацию, исключаящую прямой государственный контроль над информацией или цензуру. Он позволяет получить информацию в кратчайшие сроки в любой точке мира. Таким образом, все предшествующие способы закрыть общество, как бы того не хотели сторонники изоляционизма, оказываются в настоящее время неэффективными. Это поняли даже китайские коммунисты. Тем, кто подчеркивает угрозу информационной безопасности, Интернет, самим фактом своего существования, напоминает о сохранении ее свободного обмена. Позитивные стороны Интернета могут возрасти в дальнейшем, когда с развитием технического прогресса уже не будет реальной возможности осуществлять контроль над ним.

Переход к информационному обществу, на наш взгляд, выражает процесс, аналогичный предшествующему переходу от аграрного к индустриальному и от словесного к массовому обществу. Он связан с интеграцией личности в мировые коммуникации в ходе длительной эволюции от социального традиционализма к рационализму и от национальных государств к системе международных отношений и глобализму. Данный процесс всегда сопровождался определенными культурными издержками, даже известной эрозией моральных ценностей. В книге справедливо обращается внимание на этот процесс в связи с дегуманизирующими возможностями использования прогресса в информационных технологиях для ускорения революции в биологии. Поэтому можно лишь приветствовать, что автор не обошел важной темы соотношения Интернета и нравственности, которая становится решающей при определении перспектив его влияния на общество.

Трудно, однако, разделить авторский пессимизм: ведь на каждое открытие в истории находилось контроткрытие. Не следует думать, что информационное общество есть разрушение цивилизации, как не был им и коперниканский переворот в понимании мироздания, великие географические открытия или изобретения новых видов энергии. Проф. Кастельс сравнил Интернет с новым видом энергии, с изобретением электричества. Если принять это сравнение, то мы получаем вполне конкретный ориентир для сравнительной интерпретации вклада информационно-технологической революции. Усложнение мира и усиление степени неопределенности и риска, как и в случае с другими изобретениями, уравниваются параллельным развитием инструментов управления ими.

Важно, таким образом, найти утерянное соединение технического прогресса с нравственным. Это позволяет на новом уровне попытаться реализовать проект эпохи Разума, который, возможно, только теперь может найти свое осуществление. А это возвращает нас к нравственной миссии интеллектуальной элиты.

Проф. Кастельс видит будущее как «информационную неразбериху». Мы, напротив, видим его в преодолении разрыва между обществом и техникой, мыслью и действием.